

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

ORIENTALIA

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts**

Viacheslav Rybakov

**THE T'ANG
BUREAUCRACY**

**Part 2
Legal self-regulation**

Volume 1

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2013**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

Вячеслав Рыбаков

ТАНСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Часть 2
Правовое саморегулирование

Том 1

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2013

УДК 343.2/7 (094.4)

ББК Ч2 (5Кит)4

*Издается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 13-01-16015)*

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

Рецензенты:

доктор ист. наук проф. *Е. И. Кычанов*, доктор ист. наук *И. А. Алимов*

Вячеслав Рыбаков. Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 1. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 496 с. (Orientalia).

Монография «Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 1» является продолжением исследования «Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура».

В первом разделе настоящей монографии характеризуется методика исследования. Однозначность предписаний танского уголовного права и их подчиненность нормам традиционной этики дают уникальную возможность сопоставления этических норм того времени, поскольку тяжесть наказания служит единицей измерения важности моральной нормы. Исследование права, таким образом, неизбежно оказывается исследованием культуры. Описываются виды законодательных актов тогдашнего Китая, их динамика и иерархия, их взаимосвязь и области их применения.

Во втором разделе исследуется отношение уголовного права к чиновной элите. Подробно анализируются специфические нормы танского уголовного права, либо применявшиеся исключительно к служилому сословию, либо модифицировавшие применительно к нему общие нормы права тогдашнего Китая.

Третий раздел полностью посвящен описанию и интерпретации норм танского уголовного права, стоявших на страже неприкосновенности личности, защищавших людей от физических посягательств разного типа. Выявление специфики правозащиты личности чиновника, равно как и защиты личности от чиновника, проведено на фоне полного анализа уголовных законов, оформлявших неравное отношение права к членам разнообразных иерархических структур в случаях возникновения между ними силового конфликта. Семья служила в конфуцианском обществе эталоном и моделью всех иных социальных иерархий. Поэтому и в данном случае в первую очередь речь идет о выявлении неравенства правозащиты старших членов семьи от посягательств со стороны младших и младших членов семьи — от посягательств со стороны старших. Выполненные, согласно предписаниям танских законов, на конкретном материале тщательные расчеты наказаний за покушения на старших в семье, старших в обществе и старших в учреждении доказательно демонстрируют место чиновников в общей системе социальной иерархии и их этико-правовое уподобление боковым старшим родственникам в патронимической семье.

ISBN 978-5-85803-465-0

9 785858 1034650

© Вячеслав Рыбаков, 2013

© Петербургское Востоковедение, 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторское предуведомление	10
Введение	13
1. Система законов династии Тан	35
Общие замечания	35
Уголовные установления <i>люй</i>	39
Составление Кодекса	39
Натурфилософская основа	43
Шкала наказаний	48
Ситуационная коррекция	51
Общеобязательные установления <i>лин</i>	55
Нормативные установления <i>гэ</i>	64
Внутриведомственные установления <i>ши</i>	70
2. Специфика применения к чиновничеству уголовных наказаний	78
Основные степени траурной близости	78
Привилегии	82
Восемь причин для осуждения	83
Пользователи	83
Содержание	93
Исключения: Десять зол	103
1. Умысел Восстания против	104
2. Умысел Великой строптивости	105
3. Умысел Измены	106
4. Злостная строптивость	106
5. Извращение	108
6. Великая непочтительность	108
7. Сыновья непочтительность	110
8. Вражда	112
9. Нарушение долга	114
10. Внутренний хаос	114
Подача прошений	115
Пользователи	115
Содержание	117
Исключения	120
Уменьшение на 1 степень	123
Содержание	123
Пользователи	124
Исключения	125
Откуп от наказания	126
Содержание	126
Пользователи	127
Специфические пользователи	131
Исключения	133
Пять особых ссылок	134

Иные исключения	140
Основныe принципы пользования привилегиями	143
Соотношение исключений	143
Суммирование уменьшений	146
Неотъемлемость привилегий	148
1. Неотключаемость «гениев»	149
2. Отключение «гениев»	155
Наибольшее благоприятствование	162
Три ключевых понятия	169
Сфера полномочий	169
Общественные и частные преступления	178
Общеслужебная ответственность	180
Заменяющие и дополнительные наказания	202
Предпосылки	202
Смысл	204
Зачёт должностью	209
Содержание	209
Основные принципы	212
Исполнение	214
Усложненные ситуации	217
Служебное восстановление	227
Должностные наказания	230
Разжалование	234
Исполнение	234
Восстановление	236
Наказуемые деяния	241
Лишение должностей	250
Исполнение	250
Восстановление	251
Наказуемые деяния	254
Лишение занимаемой должности	257
Исполнение	257
Восстановление	258
Наказуемые деяния	258
Комбинированное применение	266
Повторное применение	269
3. Преступления против личности	274
Конфликты между равными	274
Прямые методы воздействия	277
Бытовые драки	277
Легкие	277
Тяжкие	284
Особо тяжкие	296
Сводный перечень	299
Обоюдность ответственности	301
Убийство человека — в драке и преднамеренное	307
Усложненные ситуации	311
Сроки сохранения ответственности	311
Преднамеренное избивание	314
Коллективное избивание	316

Подчинение человека	320
Иные типы убийства	324
Предумышленное убийство	325
Понятие умысла	325
Градации реализации	329
Градации соучастия	330
Кое-что о технике следствия	333
И о чиновниках	334
Нечаянное убийство	336
Без предосудительной мотивации	336
В усложненных ситуациях	339
С предосудительной мотивацией	340
Убийство по ошибке	342
Убийство при игре	347
Сводный перечень	352
Косвенные методы воздействия	352
Ситуативные преступления	354
Высокотехнологичные преступления	357
Яды гу	358
Магия	362
Отравительство	368
Конфликты между неравными	375
Бытовые конфликты с участием лично зависимых	377
Посторонние друг другу лично свободные и лично зависимые	377
Снизу вверх	377
Сверху вниз	379
Между разными лично зависимыми	380
С участием вольноотпущенников	381
Покушения на имущество	382
Лично свободные и лично зависимые одной семьи	383
Убийство или избивание лично зависимых	383
Рабы	383
Буцюи	384
Конфликты между младшими и лично зависимыми	385
Посягательство на хозяина	387
Конфликты с родственниками хозяина	389
Снизу вверх	389
Сверху вниз	394
Бытовые конфликты между членами семьи	395
Мужья и жены	395
Сверху вниз	395
Снизу вверх	399
Старшие и младшие родственники	403
Снизу вверх	403
Сверху вниз	406
Ближайшие родственники	408
Снизу вверх	408
Сверху вниз	410
Прямые предки и потомки	411
Снизу вверх	411

Сверху вниз	412
Умышленные посягательства	414
Снизу вверх	414
Сверху вниз	415
Бытовые конфликты с участием чиновников	416
Иерархия пространства	417
Высокие и низкие	421
Начальники, подчиненные и подведомственные	426
Родственники начальства	437
Умышленные посягательства	440
Заключение	442
Приложение 1	447
Исходные минимумы	447
Главная последовательность	448
Приложение 2	462
Нанесение побоев в драке посторонних равных	462
Лично зависимые и лично свободные	464
<i>Буцюи</i> против лично свободных	464
Лично свободные против <i>буцюев</i>	465
Рабы против лично свободных	466
Лично свободные против рабов	466
Хозяева и их лично зависимые	467
Хозяин против своих лично зависимых	467
Лично зависимые против хозяина	467
Мужья и жены	468
Муж против жены	468
Жена против мужа	469
Муж против наложницы	469
Наложница против мужа	470
Родственники	470
Против старшего родственника своего поколения близости <i>сыма</i>	470
Против младшего родственника своего поколения близости <i>сыма</i>	471
Против старшего родственника своего поколения близости <i>сяогун</i>	472
Против младшего родственника своего поколения близости <i>сяогун</i>	472
Против братьев отца, их жен, сестер отца, деда и бабушки по женской линии	474
Против младшего родственника своего поколения близости <i>дагун</i>	474
Против старшего брата или старшей сестры	475
Против младшего брата или младшей сестры, либо сына или внука по мужской линии старшего или младшего брата, либо внука [кого-либо из них] по женской линии	475
Против отца, матери, деда или бабушки по мужской линии	475
Против сына или внука по мужской линии	475
Чиновники	476
Простолюдин против чиновника 6—9-го рангов	476

Простолюдин против чиновника 4—5-го рангов	477
Простолюдин против чиновника 1—3-го рангов	477
Чиновник 6—9-го рангов против чиновника 4—5-го рангов либо чиновник 4—5-го рангов против чиновника 1—3-го ран- гов	478
Чиновник 6—9-го рангов против чиновника 1—3-го рангов	478
Чиновник против своего руководителя, имеющего 6-й ранг или ниже	479
Чиновник против указного посланца и пр. и против своего начальника, имеющего 5-й ранг или выше	479
Иероглифический указатель административных и юридических терминов	480
Предметный индекс к иероглифическому указателю	487
Библиография	494

*Светлой памяти Евгения Ивановича Кычанова,
не академика и не лауреата, но великого ученого
и замечательного человека*

АВТОРСКОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Говорят: на всякого мудреца довольно простоты.

Иногда говорят еще сильнее: слона-то я и не заметил.

Трижды и четырежды я, редактируя первую часть настоящего исследования, проверял корректность иероглифического написания бюрократических и юридических терминов, численность штатных единиц тех и этих учреждений, ранги их служащих, расчеты перевода китайских мер в современные...

И при этом ухитрился просмотреть, что в названии отдела природопользования (*юйбу* 虞部) Работной части (*гунбу* 工部) Правительствующего надзора (*шаншуншэн* 尚書省) иероглиф *юй* 虞 — совсем не тот, каким записывалось имя Юя 禹, усмирителя потопа и основателя династии Ся, но тот, что обозначал одно из имен императора Шуня.

Эта ошибка нелепа и непростительна.

Мало того — я еще и целых пять строчек соображений на основании этой ошибки написал¹.

Самое странное, что и при чтении моей работы, предшествовавшем обсуждению ее в институте, никто не заметил нелепого ляпсуса.

Труднее всего заметить очевидное. Ну кто же не знает, как пишется имя великого Юя!

Даже Юрий Львович Кроль обнаружил мою оплошность не с первого прочтения, а лишь впоследствии, когда монография «Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура» уже вышла из печати.

Я очень признателен ему за выявление ошибки и пользуюсь первой же подходящей возможностью выразить свою благодарность официально и публично.

Хочу также воспользоваться случаем и поблагодарить Наталию Павловну Свистуну за сделанные ею замечания относительно тех или иных сомнительных фраз или неточностей в моем переводе «Тан люй шу и». За последние десятилетия не было у меня читателя более внимательного, чем Наталия Павловна; я давно это понял и очень ей

---

¹ Рыбаков, 2009. С. 237.

благодарен. В последние же годы в материалах конференции «Общество и государство в Китае» уже дважды публиковались ее скрупулезно выверенные пространные статьи, посвященные отдельным пассажам «Танских уголовных установлений с разъяснениями», и я, разумеется, тщательнейшим образом эти статьи штудировал. Не могу также не сказать, что с нетерпением жду выхода в свет очередных томов ее перевода «Законов Великой династии Мин».

От всей души выразив благодарность, то есть воздав должное стихии Ян — пусть, возможно, несколько запоздало, но как нельзя более уместно именно в начале капитальной монографии, — я должен теперь отдать дань и стихии Инь, высказав несколько предупреждений.

По ходу изложения материала мне придется довольно часто цитировать танский кодекс «Тан люй шу и» в своем переводе. При анализе отношения тогдашнего уголовного права к правонарушениям, совершаемым как чиновниками, так и в отношении чиновников, это неизбежно.

Сейчас, по прошествии лет (первый том моего перевода вышел еще в 1999 г.), на новом этапе тщательной работы с громадным текстом Кодекса мне становятся порой видны те опечатки, стилистические шероховатости, а то и смысловые огрехи, которые в надлежащее время выявить не довелось. Например, в статье, посвященной мошенничествам при внесении натурального налога, в китайском тексте сказано, что наказание виновным следует определять *чжунь дао лунь* 准盜論. Для этого часто встречающегося стандартного оборота мною после опробования нескольких вариантов был принят стандартный перевод «наказание определяется сообразно хищению». Между тем во втором томе изданного мною перевода «Тан люй шу и» в соответствующей статье читаем: «...наказание определяется как за хищение», тогда как данный оборот принят мною для перевода стандартного блока *и дао лунь* 以盜論². Расхождение, хотя оно и кажется незначительным, весьма существенно, ибо эти две формулировки предписывают радикально разнящиеся варианты применения одной и той же статьи о хищениях (*дао* 盜) при определении приговора.

При цитировании в настоящей монографии отрывков текста, в которых мною обнаружены и исправлены те или иные несоответствия китайскому оригиналу, я не буду специально отмечать каждый случай исправления³, за исключением тех крайне редких ситуаций, когда правка будет носить принципиальный, обусловленный новым пониманием текста характер. Такого рода изменения я, безусловно, буду объяснять с максимальной подробностью.

² Тан люй. Ст. 217; Уголовные установления Тан, 2001. С. 234.

³ Скажем, наконец-то замеченная опечатка «3000 *ли*», ныне выправленная на «2000 *ли*», не стоит того.

Кроме того, некоторые приводимые мною цитаты из Кодекса будут в данном издании незначительно трансформированы без всякого изменения смысла — просто для удобства цитирования, с целью имитации законченной, не оборванной и не с середины начатой, фразы и т. д.

ВВЕДЕНИЕ

Человеческая природа неизменна. Ведь неизменной остается физиология, да и мозг остается органом, предназначенным в первую очередь для обеспечения индивидуальных преимуществ в межвидовой и — после победы как бы разумного человека над остальной фауной планеты — внутривидовой конкурентной борьбе.

Вторым же главным свойством работы мозга, уже чисто человеческим, является обеспечение неведомой и не нужной животным иллюзии осмысленности и одухотворенности индивидуального бытия. Все, что человек делает как именно человек, то есть помимо удовлетворения насущных физических потребностей и отдохновения, все, ради чего он прикладывает серьезные усилия и даже готов поступаться и физическими потребностями, и отдохновением, это крик: я есть! Я есть и буду! Я не такой, как все, я не песчинка в бархане, не муравей в муравейнике, я уникальный, удивительный, таких как я больше нет, не было и быть не может!

Чем большими способностями и талантами одаривает человека судьба, тем громче этот крик. Он должен бы звучать на весь свет — и именно к этому в душе своей стремится по мере возможности каждый человек. А поскольку он сам, как правило, понимает, что вряд ли он в состоянии так шуметь, то с еще большим пылом старается заглушить и перекричать уж хотя бы тех, кто поближе.

Тут не прямое тщеславие и даже не прямой страх смерти — но просто осознание своей неповторимости. Уникальности. Естественное и неизбежное, хотя и далеко не всегда осознаваемое сопротивление разумной и потому способной к предвидению особи, для которой важнее и ценнее ее самой ничего нет, тому постоянно свисающему перед ней из будущего жуткому факту, что она, эта особь, конечна, и более того, недолговечна. Что возникла она совершенно случайно и смысла в ее существовании нет; любой человек, а материалист в особенности, осознает, что никто его сюда не звал, никому он тут не нужен и его исчезновения отсюда никто, в сущности, не заметит.

Все это значит, что люди в обеих своих ипостасях не могут и никогда не смогут не конкурировать. Хоть в чем-нибудь. Каков бы ни был мир вокруг, что бы в нем ни происходило, как бы он ни был организован, изобилен и оснащен.

К слову сказать, в этом заключается чисто психологический и потому неизживаемый, обусловленный самой человеческой природой аспект неустойчивости любых слишком уж централизованных систем управления. Вне зависимости от эпохи, вне зависимости от целей, которые преследует сама система, — будь то древнекитайская империя Цинь Ши-хуана, где император распределением наград и наказаний старался всех поставить в полную зависимость от государства, или социалистический СССР, где всерьез пытались избавить народ от волчьих законов капиталистической конкуренции. Дело в том, что эти и подобные им исторические ситуации, казалось бы столь различные, объединяются в одном важнейшем свойстве: конкуренция выводится из личностной сферы и опосредуется высшим властным центром. И тогда уже не сама борьба соперников, но государственная власть определяет, кто победил в любой конкурентной ситуации, а кто проиграл. Ей виднее, кому дать, а у кого отнять. А постепенно и сама конкурентная борьба все в большей степени уходит из сферы непосредственной схватки в область подковерных ухищрений, лихорадочного манипулирования там и сям торчащими из государственной машины рычажками. Соперничество становится скрытым, сумеречным, осуществляется руками высшей власти.

И мало-помалу все унижения, все поражения проигравших начинают ощущаться результатом действий не столько их прямых победителей, сколько государственного произвола. В течение считанных лет, за одно-два поколения, государство, пусть даже честно старающееся никого не обижать, оказывается обидевшим всех. Именно на нем, на государстве, сосредотачивается общая неприязнь, концентрируется общее раздражение. Именно оно всем недодало, всем не позволило развернуться, всем подрезало крылья, всех оскорбило в лучших чувствах. Личные противники оказываются вроде бы не противниками, а братьями по несчастью; в каждом проигрыше каждого проигравшего виноват лишь тупой казенный гнет, жестокое тиранство высшей власти, а больше никто.

Поэтому при прочих равных более устойчивой и перспективной на любой стадии исторического развития всегда оказывается та система, которая сумеет предоставить своим подданным максимально возможное (разумеется, при данном общественном строе) количество демократических свобод, то есть, иными словами, невозбранных возможностей есть друг друга пусть хоть и в рамках закона, но — без посредников, напрямую, один на один.

Выбор способов, какими человек старается заявить о себе, зависит от тех ценностей, которые он впитал из культуры. Иногда в силу жизненных случайностей, иногда — более или менее осознанно, отдавая себе отчет в том, к чему его тянет, что у него лучше получается, человек для возвещения миру о себе всегда подбирает из предложенного

культурой набора тот рупор, который ему ловчее всего держать в руках. Любая культура многогранна, и, в зависимости от своих склонностей и возможностей, человек с лотка, на котором жизнь раскладывает перед ним методики престижного самоутверждения, выбирает те, что наиболее отвечают его природным склонностям.

Весьма существенно то, что у любой культуры перечень предлагаемых методик индивидуального самоутверждения ограничен и вне его действовать невозможно. Конкурентная толчея возникает лишь в ближайших окрестностях найденных и сформулированных данной культурой идеалов; на пустом месте поединков не бывает, они возникают лишь там, где сияет тот или иной интегрированный в общую систему ценностей приз.

Любая из легитимизированных добродетелей, при всем их разнообразии, порождает одно из множества образующих сложную иерархическую систему конкурентных полей, на каждом из которых обыденная повседневная жизнь составляет более или менее мирное множественное самоутверждение.

Одному приятней быть замеченным за бессребреничество, другому — за богатство. Одному хоть тресни, а надо стать начальником, ибо переживания тех, кто чтит начальство как таковое, ему ближе всего; и уж он всегда отыщет тех, кто станет смотреть на него снизу вверх за его высокий пост. Другой бежит от любого руководящего поста, как черт от ладана, и тем тоже возвышается — в глазах тех, для кого престижней всего безответственная и честная свобода. Один на каждом шагу старается подчеркивать, какой он бесхитростный, другой — какой он хитрый. Одному позарез надо узнать что-то, чего никто еще не знает, а уж там, может, его и наградят. Другому позарез надо, чтобы его наградили, даже если сам он ничего не открыл и открыть не может.

Но есть еще и фактор сравнительной социальной полезности инструментов возвещения о себе городу и миру, фактор того, какие из них облегчают человеческое взаимодействие, а какие — затрудняют и разрушают.

Скажем, если престижно быть честным коллективистом, так что все только и стараются перещеголять друг друга в верности слову и делу — обществу легче дышать, творить и строить. А если престижно быть эгоистом, не слишком-то обремененным совестью, — общество разваливается на бесконечно враждующие друг с другом группки. Если престижно быть ироничным резонером и вечно недовольным созерцателем, общество обессиливается, и его непременно съедают те, кто вращены культурой, в соответствии с которой почетно самоутверждаться страстью к великим свершениям. Если престижно относительное манкирование материальным достатком — конкуренция выводится в сферы духовные, интеллектуальные, созидательные, люди начинают легко рисковать личным успехом ради успешного реального

дела. А если престижно просто сидеть на деньгах — все примутся рвать друг у друга уже кем-то что-то сделанное, и энергия общества уйдет исключительно на силовое перераспределение, тогда как создавать объекты перераспределения будут где-то в иных градах и весях.

Именно развитие культуры, во многом уже самостоятельное, по своим внутренним законам совершающееся, приводит к весьма специфическим и, возможно, судьбоносным для человечества последствиям. Например, только благодаря культуре (тому, что возвышает человека над животным или, во всяком случае, выводит его из животного царства), возникают такие поля внутривидовой конкуренции, как «я самый трудолюбивый», «я самый бескорыстный», «я самый честный», «я самый нетребовательный», «я самый верный». Как только среди добродетелей, преподносимых культурой, появляются такие как верность, бескорыстие, подвижничество и пр., за золотые медали по этим видам спорта тоже начинается борьба среди тех, кто признает данные медали действительно золотыми, а не фальшивками. А она проходит очень даже социально полезными методами, весьма далекими от потуг на прямое животное доминирование и зачастую прямо противоположными им. Так человек очеловечивается, облагораживается. Разумеется, не полностью. К полному и безоговорочному очеловечиванию человека может привести разве что воскресение после Страшного суда.

Проследив, какие поля, способы и коды конкурентной самореализации предлагает та или иная культура в качестве наиболее престижных и выгодных, очень легко понять ее сущность и предсказать ее судьбу.

Все культуры мира спокон веков заняты, по сути, тем, что неустанно пытаются предложить человеку достаточно для него привлекательные, достаточно выгодные и престижные и в то же время — общественно полезные области и виды конкуренции. Те, что наилучшим образом могли бы перенаправлять конкурентную энергетику человека из деструктивных сфер в конструктивные. Чтобы человек, пусть и побеждая в соревновании других членов своей общности, той же самой своей деятельностью, благодаря которой он оказывается победителем, приносил всем побежденным (или хотя бы статистически доминирующей их части) какую-то пользу, способствуя уже их коллективной победе в борьбе либо с вызовами природы, либо с соседними конкурирующими общностями.

Поиск таких областей и видов соревнования, равно как и поиск способов их по возможности ненасильственного, но в то же время по возможности эффективного навязывания человеку есть одна из основных функций любой культуры (подозреваю даже, что основная). Любая культура, от неолитической до евроатлантической, озабочена тем, чтобы агрессивность человека выражалась скорее в защите от чужих, нежели в истреблении своих. Чтобы стремление воздействовать на ок-

ружающий мир и оставить в нем свой след выражалось скорее в строительстве полезных сооружений, нежели в разрушении уже построенных. Чтобы познавательный инстинкт приводил к развитию знаний и умений, скорее улучшающих жизнь общности, нежели ее ухудшающих.

Именно от культуры зависит, чтобы благородная ярость как можно реже оборачивалась бесчеловечной злобой, чистота помыслов — наивным бессилием, нетерпимость к недостаткам — завистливой сварливостью. Насколько успешно удастся данной культуре неизбывные и неизменно двойственные свойства человеческой природы реализовывать более в качестве достоинств, нежели в качестве недостатков, равно настолько и сама эта культура может считаться успешной. Насколько ей удастся сделать для самого же человека более заманчивым, славным, интересным и выгодным конкурировать с соперниками в какой-либо конструктивной, общественно полезной области и общественно полезным же образом, нежели в области деструктивной и с помощью действий деструктивных, настолько и сама культура может похвастаться жизнеспособностью.

К слову можно заметить, что чем разнообразнее активность общества, тем оно устойчивее, ибо чем больше предлагается населению конкурентных полей, тем меньше на каждом поле задействовано игроков и тем больше оказывается в обществе людей, чувствующих себя в той или иной сфере победителями, а благодаря этому — и сторонниками существования данного общества в данном его состоянии.

Но все хорошо в меру; чем шире спектр видов конкуренции, тем труднее сплотить всех конкурентов вокруг неких немногочисленных, но базовых, общих для всех идей, целей и мотиваций. Для решения этого противоречия существует иерархия ценностей. Второстепенные, частные ценности создают разнообразие конкурентных полей, тогда как главные, всеобщие обеспечивают сплочение игроков со всех многочисленных мелких полей на некоем огромном поле, жизненно важном для всех. Способность или неспособность обеспечивать живучесть интегративных ценностей где-то в величавой глубине, под суетой и мельтешением ценностей частных и преходящих есть серьезнейшая проблема выживания культуры.

Однако ненасильственное, духовное соблазнение позитивными ценностями, порой и впрямь способное обеспечивать преобладание социально желательных мотиваций и действий, никогда и ни при каких условиях не может полностью застраховать от социально нежелательных срывов.

Никогда и ни в каком обществе не удастся полностью изжить возможность возникновения, например, коллизий, когда достаточно корыстолюбивый человек на жизненном пути своем повстречает то, что «плохо лежит», и если общество вовремя не даст ему по рукам, то по-

ложительный опыт использования подобной ситуации легко станет ему до конца дней путеводной звездой. Никогда и ни в каком обществе не удастся стопроцентно исключить ситуацию, когда бездарь, от полной жизненной униженности оказавшийся способным на недюжинную хитрость, прорвется, станет руководителем людей даровитых, которые всегда чересчур углублены в свои возвышенные и многоумные дела, а потому в практических вопросах не видят дальше собственного носа.

Перечень такого рода при попытке сделать его исчерпывающим грозит оказаться бесконечным.

Именно для подобного рода случаев в любой культуре возникает сфера табу и карательных мер, которая раньше или позже приводит к созданию более или менее развитых норм писаного уголовного права.

Карательные уложения можно читать по-разному. Общепринятым является вычерпывание оттуда конкретной информации: что, кому и за что грозит; какие нормы помогают судьям определять наказания; как эти наказания приводятся в исполнение; как они могут быть изменены или отменены.

Но можно взглянуть и по-иному.

Ведь уголовный кодекс — это голубая мечта общества о самом себе. Это утопия, глядящая в зеркало, в котором, как ни встань, левое всегда будет правым, а правое — левым. Это негатив парадного портрета.

Бесстрастное перечисление возможных преступлений и предусмотренных за них наказаний — это детальное сообщение о том, какие именно проявления вообще-то неотменяемых и ненаказуемых природных свойств человека считаются в данном обществе на данной стадии его развития общественно недопустимыми и потому наказуемыми.

Уголовное право, как никакой иной источник, аккуратно извещает, от чего в себе общество мечтает избавиться и, стало быть, каким оно мечтает стать.

Можно сказать несколько иначе.

Уголовное право, во-первых, максимально исчерпывающим образом повествует о том, какие именно преступления законодатели в своих юридических гипотезах полагают настолько вероятными, что для них заблаговременно предусматриваются меры наказания. Извещает о том, какие в данном обществе совершаются антиобщественные действия, против кого и кем. Для невероятных преступлений в кодексах не найдется места. Немыслимо ждать от законов Хаммурапи карательных санкций за применение допинга во время соревнований по биатлону, от современного уголовного права — штрафов за беспричинное убийство раба его владельцем или, например, от кодекса китайской династии Тан — наказаний за электронное мошенничество.

Цифровые технологии — исторически преходящая сфера деятельности. Но вот мошенничество как таковое — проявление неизбывных свойств человеческой природы, и потому в уголовном кодексе Тан правовые методики борьбы с ним разработаны детально, пусть и применительно лишь к тем сферам деятельности, которые во времена Тан существовали реально.

Во-вторых, то же самое перечисление вероятных преступлений можно рассматривать в качестве косвенной манифестации того, каким данное общество само себе мыслится в идеале, отсутствие каких действий со стороны членов общности позволило бы ему считать себя достигшим идеального состояния, когда царит социальный мир и не за что карать. Перечисляя, как не должны вести себя граждане страны, уголовное право точнее и пространнее любых социологических трактатов и прекраснотушних утопий сообщает, как именно эти граждане должны себя вести. Перечисляя наказуемые в качестве уголовных преступлений нарушения морали, право тем самым показывает, полное и безраздельное господство каких именно моральных норм дало бы обществу возможность считать себя достигшим этической вершины.

Специфика китайского традиционного права добавляет к этим «во-первых» и «во-вторых» еще и крайне существенное «в-третьих».

Традиционное китайское уголовное право является не просто прямым перечнем нежелательных способов реализации интеллектуальных потенций человека и не просто косвенным перечнем моральных норм, призванных ненасильственно их блокировать и по возможности облагораживать, переплавлять в деяния общественно полезные или хотя бы приемлемые.

Благодаря, во-первых, однозначности предписываемых за каждое мало-мальски серьезное преступление мер наказания и, во-вторых, жесткой привязке уголовного к аморальному танское право является четким описанием иерархии моральных ценностей, позволяющим доказательно выявлять, какие требования морали были в ту пору базовыми, всеобщими, объединяющими, а какие позволяли дробить конкурентные поля, увеличивая процент победителей на душу населения, с тем чтобы каждый из них имел возможность быть довольным жизнью и собой, а тем самым — и страной.

Все культуры мира и все порожденные ими системы права во все эпохи вынуждены решать, по сути, одну и ту же великую и до конца так и не решаемую задачу. С той или иной степенью успешности применяясь к быстролетной исторической конкретике — к теократии и демократии, к обсидиановым ножам и босголовкам с обедненным ураном, гаданию на черепаших панцирях и метеоспутникам, королевским глашатаям и интернет-блогам, взаимному присмотру друг за другом членов соседской пятидворки и понатыканным на всех углах видеокамерам наблюдения, — они по мере сил облагораживают и

обуздывают ровно одни и те же свойства человеческой природы, из века в век стараясь сделать их как можно более достоинствами и как можно менее недостатками.

Исследования в этой области должны помочь нам уяснить сильные и слабые стороны эпох и культур, их удачные находки и их провальные ходы, прорывные успехи и области бессилия, вызванные неизбежными ограничениями, которые каждая из культур, сама того не ведая, накладывает на себя уже с момента собственного формирования. Ибо, как и у отдельных людей, у культур их достоинства являются продолжением недостатков, а недостатки — продолжением достоинств.

История кидает культуры то в ситуации, где блистательно проявляются их совершенства, то в ситуации, где отвратительно выпирают пороки, но в целом именно и только культуры во всех предлагаемых коллизиях заняты тем, что в меру своих сил и возможностей помогают людям оставаться людьми, как бы ни была их судьба. И нам надо максимально внимательно и бережно относиться к тому, что у каждой из них есть и свои достижения, и свои заблуждения в великом и нескончаемом, в определенном смысле безнадежном и в то же время жизненно необходимом каждому из поколений деле очеловечивания человека.

Китайская культура и, в частности, китайское уголовное право накопили громадный опыт работы со свойствами человеческой природы и введения их в конструктивное, общепольное русло посредством как идеологического и социального заманивания в надлежащее поведение, так и уголовного преследования поведения ненадлежащего.

Знаменитый уголовный кодекс династии Тан «Тан люй шу и» для анализа подобной проблематики просто неоценим.

Надо всего лишь постараться увидеть в китайцах времени правления династии Тан таких же людей, как нынешние мы, перед которыми, применительно к задачам организации общества и управления страной, помимо специфически архаичных стояли порой поразительно знакомые нам, можно сказать — вполне современные задачи.

Надо всего лишь осознать, что лучшие умы той страны и того времени — отнюдь не худшие умы в истории человечества — бились над несколькими социальными квадратурами круга не менее напряженно, чем нынешние политологи и обществоведы — и российские и западные. Но — в русле своей культуры, своих представлений о Добре и Зле.

Устойчивость, жизнеспособность, продуктивность и эффективность китайской цивилизации недвусмысленно намекают на то, что ее опыт в этой области не может оцениваться негативно или хотя бы равнодушно, но заслуживает самого серьезного и эмоционально вовлеченного рассмотрения. Результаты тогдашних усилий, будучи, конечно, неприменимы для нас напрямую, тем не менее могут помочь, как мне представляется, взглянуть непредвзятым взглядом на результаты наших нынешних отнюдь не всегда успешных стараний.

Крайне важным здесь является то, что главным для танских мыслителей изначально и постоянно была сфера традиционной морали, а уж потом — сфера права. Танский опыт, помимо прочего, в первую очередь интересен и может оказаться ценен именно потому, что все попытки танских мыслителей в деле обеспечения успешности и упорядоченности общества исходили из первенства устоявшейся, общепринятой морали с ее столь же устоявшейся иерархией ценностей и мотиваций — морали настолько важной и основополагающей, что на ее охрану и укрепление была поставлена вся мощь карательной системы бюрократической империи. Именно этим такой опыт с особой контрастностью оттеняет суть и уровень попыток современной индивидуалистической цивилизации решать те же общечеловеческие задачи уже в рамках своих культурных и психологических способностей и возможностей.

Вот характерный пример.

Всякий находящийся на должности старший чиновник, чья служебная деятельность в действительности не имеет [благих] последствий, за самоуправную установку памятной стелы [в свою честь] наказывается 1 годом каторги. Побудивший людей произвольно превозносить свои достоинства и обратиться в вышестоящие [инстанции] с прошением [о разрешении поставить себе памятную стелу] — 100 ударами тяжелыми палками. ...Если присвоение [наказывается] тяжелее, наказание определяется за незаконное присвоение (*ю цзан чжун чжэ цзоцзан лунь* 有賊重者坐賊論)¹.

В любом здоровом обществе никому и в голову не придет всерьез оспаривать, что человеческое тщеславие, если оно не становится маниакальным, — вещь вполне естественная и сама по себе отнюдь не плохая, а для человека, который отдает жизнь публичной службе, —

¹ [Тан люй. Ст. 134; Уголовные установления Тан, 2001. С. 81—82]. Определение строгости наказания при преступлениях против имущества связывалось со стоимостью имущества, полученного незаконным образом. Всего танским правом выделялось шесть качественно своеобразных типов имущественных преступлений: грабеж, кража, взятка с последующим нарушением закона и взятка без последующего нарушения закона в пользу взяткодателя, получение чиновником имущества в сфере его административных полномочий и незаконное присвоение. Для каждого из них была разработана отдельная шкала из двух параллельных рядов: в одном — стоимость присвоения, в другом — соответствующая ей строгость наказания. Об имущественных преступлениях подробная речь у нас еще впереди, сейчас же отметим лишь, что «незаконное присвоение» определялось танским правом как получение не занимающим руководящих постов чиновником каких-либо средств в процессе осуществления им своей служебной деятельности [Тан люй. Ст. 389; Уголовные установления Тан, 2008. С. 9—11].

неизбежная и даже необходимая. В Европе говорили: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом; в танском Китае могли бы сказать: плох тот завскладом, который не мечтает стать министром. Стараясь исполнять службу как можно лучше, и самый добросовестный чиновник вполне может быть честно и бесхитростно озабочен, вдобавок ко всем своим профессиональным заботам, еще и тем, чтобы его достоинства и успехи были замечены начальством и стали известны потомкам. Такая мотивация для многих куда эффективней прямого материального стимулирования.

Для всего были узаконенные процедуры, унифицированный порядок. Однако кто-то из особо тщеславных, но не слишком талантливых и усердных местных начальников мог попытаться поторопить судьбу.

...Произвольно излагал собственные заслуги, возвеличивая и приукрашивая их пустыми словами ², и тем подбил подведомственных самоуправно (чжэ 輒) поставить [себе] хвалебную памятную стелу. Наказание — 1 год каторги. Подведомственные, поставившие хвалебную памятную стелу, подлежат ответственности как соучастники ³.

Тот же, кто побудил людей произвольно превозносить свои достоинства и обратиться наверх с прошением [о разрешении поставить себе памятную стелу], наказывается 100 ударами тяжелыми палками ⁴.

Судя по относительной мягкости предусмотренных здесь наказаний, попытка чиновного начальника оставить о себе добрую память, пусть и незаслуженную, не считалась деянием слишком уж зазорным и общественно опасным.

Однако положение менялось, когда в деле оказывались замешаны материальные соображения — «присвоение» (цзан 贓).

К сожалению, именно здесь Кодекс оказывается огорчительно лаконичен.

В основном тексте статьи говорится:

Если присвоение [наказывается] тяжелее, наказание определяется за незаконное присвоение (ю цзан чжун чжэ цзоцзан лунь 有贓重者坐贓論).

И в разъяснении к основному тексту:

Имеется в виду, что, если из расчета [стоимости] присвоение наказывается тяжелее, чем исходное преступление (ци цзан чжун юй бэнь-

² В тексте: *суй цы* 虛辭 — то есть словами, которые не соответствуют действительности, не наполнены реальным содержанием.

³ То есть должны быть, согласно общему закону о соучастии, наказаны на 1 степень легче — 100 ударами тяжелыми палками.

⁴ [Тан люй. Ст. 134; Уголовные установления Тан, 2001. С. 82]. О преступной дезинформации императора см.: [Тан люй. Ст. 368; Уголовные установления Тан, 2005. С. 321].

цзуй 計賊重於本罪), выносят приговор, следуя присвоению (цун цзан эр дуань 從賊而斷)⁵.

Сразу можно понять: то, что имеется в виду под наказанием за «исходное преступление», — это либо 1 год каторги за самоуправное инспирирование установки стелы местным начальствующим честолюбцем, либо 100 ударов тяжелыми палками за инспирирование им петиции. Эти наказания предназначены были исключительно для самого чиновника, подбившего на первое или второе из указанных действий своих подведомственных.

Но что имеется в виду под присвоением?

Например, У. Джонсон в своем переводе танского кодекса понял текст так, что в этой фразе имеется в виду стоимость незаконно поставленной стелы: «...the calculated value of the illicit goods (i. e., the stone monument)...» — «подсчитанная стоимость незаконного имущества (то есть каменного памятника)...»⁶.

При такой трактовке получается, что тщеславного чиновника следовало наказывать не 1 годом каторги, но тяжелее (а именно — соответственно конкретной стоимости стелы) в тех случаях, когда незаслуженная стела оказывалась дороже той стоимости, за незаконное присвоение которой полагался 1 год каторги.

Сразу встает масса вопросов. Стоимость стройматериалов имеется в виду или стоимость труда, затраченного на постройку? Или их сумма? И кто нес ответственность по статье о незаконном присвоении? Чиновник, которому поставили стелу? Но почему, ведь он только подбил ее ставить, но не сам же он полностью оплачивал ее строительство? Ее ставили, как сказано в статье, подведомственные.

Кроме того, судя по тексту, вероятность возникновения неких незаконных присвоений равно относится и к ситуации постройки стелы, и к ситуации неправомерного обращения наверх с прошением. Однако вторую из них трактовка У. Джонсона просто замалчивает и тем самым исключает. Почему?

Но даже если допустить, что тут равно имеется в виду и направление наверх незаслуженных дифирамбов, — стоимость каких объектов тогда надлежало бы подсчитывать? Бумаги и туши? Сколько же надо было их извести, чтобы их стоимость могла стать сопоставимой со стоимостью каменного монумента?

Куда естественнее предположить, что и во фразе относительно незаконных присвоений речь идет об активности самого тщеславного чиновника. И это он, наш честолюбец, пытался подчиненных или подконтрольных людей спровоцировать на противоправные действия. Подачками, подарками, взятками — назвать это можно как угодно.

⁵ Тан луй. Ст. 134; Уголовные установления Тан, 2001. С. 82.

⁶ The T'ang Code, 1997. P. 103.

Значит, и короткая формулировка *ю цзан чжун чжэ* 有賊重者 относится к чиновнику. Но каким образом? Чиновник ведь ничего не получил — напротив, потратился на подкуп. Причем, надо думать, из своих личных средств.

Получается, что если в деле начинает фигурировать некое «присвоение», это значит, что местный начальник добился постановки стелы в свою честь или посылки в вышестоящие инстанции хвалебных отзывов о себе не просто уговорами или информационными подтасовками, но с помощью прямого подкупа подведомственных и подчиненных. «Присвоение» — это то, что получили от честолюбца и присвоили себе те, кого он побудил к незаконной деятельности.

Такое поведение начальника было куда опаснее. Оно подрывало идейные основы по-конфуциански бескорыстного долга и служения. Оно стимулировало в людях, подчиненных и подведомственных тщеславному чиновнику, злостное корыстолюбие. Оно было обращением к самым темным сторонам человеческой натуры. Оно демонстрировало, что и сам чиновник отнюдь не служака-бессребреник. Оно было буквальной манифестацией разрушительного состояния, когда все продается и покупается.

И тогда честолюбец получал уже не жестко фиксированное наказание 1 годом или 100 ударами, но то, что полагалось соответственно суммарной стоимости розданных им взяток. Если вычисленное таким образом наказание оказывалось тяжелее первично фиксированных (1 года каторги в случае самовольной постановки стелы либо 100 ударов в случае отправки заведомо ложных прошений), чиновник получал наказание, как если бы он присвоил некое имущество данной стоимости. Именно соответственно ей определялась кара. Теперь, по статье о незаконных присвоениях, верхним пределом роста наказания становились 3 года каторги во всех случаях — вместо фиксированных 1 года каторги в первом случае и 100 ударов тяжелыми палками во втором.

Картина получается, на первый взгляд, парадоксальной — и в то же время абсолютно логичной. Наказание за незаконное присвоение получал человек, который не только не обогатился — напротив, он обеднел на ту сумму, согласно которой ему должен был быть вынесен приговор. Но из-за его действий эту сумму присвоили другие. Преступник истратил деньги или ценности на то, чтобы побудить подведомственных людей совершить неправомерные действия — и согласно полной, суммарной стоимости того, что он истратил на подкуп, он получал наказание, как если бы присвоил эту сумму сам.

Сколько чиновник потратил на то, чтобы добиться незаконных действий подведомственных ему людей, настолько он и был виноват. Насколько он обеднел, пытаясь удовлетворить свое тщеславие, настолько и проявил корысти. В соответствии с той суммой, какая ушла у него на то, чтобы подкупленные им люди нарушили закон ради

удовлетворения его честолюбия и карьерной жажды, он и квалифицировался как тот, кто незаконно эту сумму присвоил.

Фактически перед нами не что иное, как уголовная статья за преступление, которое, с поправкой на реалии той эпохи, можно было бы в современных понятиях определить как «подкуп избирателей», да еще и совершенный со столь модным в современной России «использованием административного ресурса». Впрочем, этот грех присущ не только российской администрации; неотстригаемым шлейфом он стелется за любыми более или менее демократическими процедурами, где бы и в какую бы эпоху они ни происходили. И то, что подобное применение собственных денег государственным служащим танское право приравнивало к совершенному данным чиновником незаконному присвоению этих самых денег, очень многое говорит нам о системе ценностей и о моральных устоях тогдашнего общества.

Да и не только тогдашнего, но, по контрасту, и нынешнего. Мы видим ярко выписанный и весьма эффектный эпизод вечного процесса познания свойств человеческой природы и столь же вечных попыток социоструктурирующей этики и цементирующих ее уголовных законов направить эти свойства на путь истинный. Честолюбие — да. Публичное признание заслуг — да. Эта признанная и легитимизированная культурой приманка заманчиво висела перед носом каждого служивого. Никто не требовал от чиновника невозможного — полного пренебрежения самоутверждением, незаинтересованности карьерным ростом, абсолютного самоотречения, анонимной самоотдачи. Нет ни малейшего намека на желательность и престижность безвестного подвига, столь высоко чтимого в христианстве⁷ или, скажем, пионером Тимуром и его командой, даже помыслить бывшими не в состоянии, что геройствуют в русле христианской традиции. И это понятно: вся социальная мобильность, вся уникальная динамическая иерархия тогдашнего Китая строилась на «выдвижении достойных». Но вот попытка самому официально изобразить себя достойным была наказуема уголовно как одно из многочисленных обычных преступных деяний, ибо, не нанося никому конкретного вреда, она посягала на эту самую основополагающую социальную ценность, на ее правильное функционирование. А уж аморальность совершенной государственным слу-

---

⁷ «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст явно» (Матф. 6: 3—6).

жащим растраты, пусть даже личных средств с целью побудить подведомственных людей воздать ему незаслуженные хвалы самым недвусмысленным образом, с численно наглядной точностью приравнивалась к аморальности прикармливания данным служащим соответствующей суммы чужих денег.

Что ни говори, трудно не признать такой подход справедливым. Или вот еще пример.

Основополагающая статья о кражах гласит:

Кража имущества [другого] человека — это незаметное или тайное взятие. [Попытка] хищения, при которой не было получено имущества, наказывается 50 ударами легкими палками. Если было получено имущество стоимостью в 1 *чи* — 60 ударов тяжелыми палками. За [каждую последующую] 1 *пи* наказание увеличивается на 1 степень, то есть за 1 *пи* 1 *чи* — 70 ударов тяжелыми палками, и [далее] наказание раз за разом увеличивается. Когда стоимость присвоения достигает полных 5 *пи*, *чи* более не учитываются и наказание становится [равным] 1 году каторги. За каждые [последующие] 5 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. За 40 *пи* — ссылка на 3000 *ли*. За 50 *пи* — ссылка с дополнительными работами. ...В тех случаях, когда были совершены многократные хищения из одной семьи или же одновременное хищение из многих семей, [стоимости] всегда суммируются (*лэй* 累) и наказание определяется, исходя из половины [полной стоимости присвоения] (*бэй лунь* 倍論)⁸.

То есть если некий вор за один раз утащил из чьего-то дома имущество стоимостью, например, в интервале от 20 до 25 *пи*, он должен быть наказан 2,5 годами каторги. В последней же фразе фактически сказано вот что: тот же самый вор мог утащить имущество той же самой стоимости по кусочкам, по мелочи — либо из нескольких домов одновременно, либо из одного дома, наведавшись туда несколько раз в течение некоего достаточно недолгого времени, такого, что дела о каждом хищении могли бы быть, говоря современным языком, объединены в одно производство. Например, в течение одной ночи он мог поживиться в нескольких близлежащих домах, или, наоборот, из ночи

⁸ [Тан люй, ст. 282; Уголовные установления Тан, 2005. С. 94]. Величина присвоенной, или, иначе говоря, стоимость вещей, присвоенных в результате имущественных преступлений, выражалась в танском кодексе в единицах шелковой ткани, либо в штуках шелка *пи* 疋, либо, если присвоение было небольшим, в отрезках *чи* 尺. Одна штука шелка определяется в Кодексе как единица шелковой ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней* [Тан люй, ст. 418; Уголовные установления Тан, 2008. С. 60]. При том что танские *чи* и *цунь* составляли, соответственно, около 31,1 *см* и 3,11 *см* [Кроль, Романовский, 1982. С. 227], нетрудно подсчитать, что штука шелка имела длину 1244 *см* при ширине 55,98 *см*. Один отрез *чи*, надо полагать, представлял собой отрезок этой ткани длиной 1 *чи* при стандартной ширине 1 *чи* 8 *цуней*.

в ночь целую неделю залезать в один и тот же дом. В обеих ситуациях такой вор оказывался, ни много ни мало, вдвое менее виноват и должен был понести наказание, как если бы украл не на 20 *пи* вещей, а всего лишь на 10 *пи*, и полагалось ему по закону уже не 2,5, а всего лишь 1,5 года каторги.

Почему к ситуациям рецидивов, то есть когда, казалось бы, надлежало ужесточать наказание многократному вору (или уж хотя бы не облегчать его участь), танские законодатели проявляли подобную снисходительность? С чего бы? Чем многократный вор лучше однократного? В логике нашей юриспруденции должно было быть наоборот.

Или вот еще хороший, хотя и несколько запутанный, а потому более сложный для восприятия пример. Он связан с хищениями, совершенными родственниками у родственников. В Кодексе есть статья, посвященная ситуации, когда кто-то из младших родственников некоей семьи и посторонний человек, с которым младший родственник находился в сговоре, совместно украли какое-то имущество из данной семьи.

Всякому живущему вместе [со старшими] младшему родственнику, который с [посторонним] человеком совершил хищение из имущества своей семьи, наказание определяется как за частным порядком самоуправно (*сычжэ 私轉*) совершенное использование имущества с увеличением на 2 степени. Постороннему человеку наказание уменьшается на 1 степень относительно [полагающегося за] обычное хищение⁹.

Определенная снисходительность права к младшему родственнику более или менее понятна — она основана на представлении о семейной солидарности, о том, что имущество семьи в каком-то смысле есть общее достояние семьи, а также об ответственности старших за младших¹⁰. Есть отдельная статья, на которую в данном случае ссылается Кодекс:

Всякий раз, когда живущие вместе [со старшими] младшие родственники частным порядком самоуправно использовали имущество, за 10 *пи* наказание — 10 ударов легкими палками. За [каждые последующие] 10 *пи* наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается 100 ударами тяжелыми палками¹¹.

Наказание за такое самоуправство, как и при обычных имущественных преступлениях, зависело от стоимости использованного имущества, но было гораздо легче, чем наказание за кражу. Достаточно сказать, что здесь наказание не могло превысить 100 ударов тяжелыми

⁹ Тан люй, ст. 288; Уголовные установления Тан, 2005. С. 108—109.

¹⁰ Кычанов, 1986. С. 150.

¹¹ Тан люй, ст. 162; Уголовные установления Тан, 2001. С. 133.

палками, хотя предельным наказанием за кражу по танскому праву были ссылки — наиболее тяжелые не убийственные меры возмездия, непосредственно тяжелее которых были уже только удушение и обезглавливание. В данном случае то, что младший родственник не единолично совершил хищение, но совместно с посторонним вором, рассматривалось как отягчающее обстоятельство, и наказание увеличивалось на 2 степени, то есть, например, за хищение в размере 10 *пи* следовало наказать не 10, а 30 ударами легкими палками, и ограниченные возрастания наказания наступало не при 100 ударах тяжелыми палками, а при 1,5 годах каторги. Такое утяжеление вполне логично: сговорился с чужаком против семьи, стащил с ним вместе семейное достояние... Плохо. Хотя все равно обычная кража наказывалась куда суровее: за кражу тех же 10 *пи* полагались не 30 ударов легкими палками, а 1,5 года каторги.

Но почему постороннему человеку, участвовавшему в совместной с младшим родственником краже имущества семьи, наказание уменьшалось на 1 степень относительно наказания за обычную кражу? Фактически — относительно того наказания, какое полагалось бы тому же самому вору за то же самое хищение, если бы оно было совершено им без участия младшего родственника. В чем причина того, что в данном случае посторонний вор считался как бы несколько менее виновным, чем если бы просто украл сам?

Вообще говоря, обычно наказание уменьшалось на 1 степень соучастнику по сравнению с главарем, то есть инициатором или главным исполнителем преступления. Но в данном случае о подразделении на главаря и соучастника речи нет, как нет речи о зависимости строгости наказания от того, кто инициировал хищение, кто выдвинул идею украсть что-то из хозяйства данной семьи — посторонний человек или младший родственник. Это делалось только в том случае, если посторонних людей было несколько и среди них можно было выделить главаря и соучастников.

Или вот еще — казалось бы, на первый взгляд, совсем обыденное и не способное насторожить предписание, устанавливающее наказание за мошенничество в сфере имущества.

Всякому, кто обманом или плутовством получил имущество у зазненного или частного [лица], наказание определяется сообразно хищению (*чжунь дао лунь* 准盜論)¹².

Казалось бы, уравнивать воровство, то есть тайное, скрытое взятие чужого имущества, его выманивание, жульническое отнятие, то есть взятие вроде бы явное, но под вымышленным, тайным предлогом — это вполне логично. Но стоит только поподробнее разобраться в том,

¹² Тан люй, ст. 373; Уголовные установления Тан, 2005. С. 338—339.

какие наказания должны были назначаться при отсылке «сообразно хищению», логика становится менее понятной. Дело в том, что эта формулировка предусматривала неполноценное, ограниченное применение указанной в отсылке статьи. В Кодексе сказано по этому поводу:

...[Совершенное преступление] не приравнивается к фактическому совершению [упомянутого в указании преступления]. ...При [указаниях] такого рода наказание всегда ограничивается ссылкой на 3000 *ли*. ...[Преступления] никогда не попадают под [действие] норм о разжаловании, лишении должностей или лишении занимаемой должности, а также [возмещении] двойной стоимости присвоения и не попадают под [действие] норм об увеличении наказания полномочным или заведующим чиновникам, а также [норм] ссылки с дополнительными работами¹³.

Пусть наказание за кражу и без того не могло достигнуть смертной казни, но оно вполне могло достигнуть наказания ссылкой с дополнительными работами, что было тяжелее обычной ссылки на 3000 *ли*. Здесь эта угроза снималась. Кроме того, если вором был человек, имеющий чиновничий ранг, ему при отсылке *чжунь дао лунь* не могли грозить должностные наказания, состоявшие, грубо говоря, во временном увольнении со службы и понижении в ранге, а при обычных кражах они чиновнику очень даже грозили. Отсылка «сообразно хищению» исключала также возможность взыскания с вора компенсации стоимости украденного и, как мы видим, предусматривала еще ряд послаблений по сравнению с наказаниями за фактические хищения той же стоимости.

Почему отъем имущества с помощью мошенничества был менее предосудителен, нежели отъем того же имущества посредством кражи?

Даже эти три приведенных примера вызывают ощущение, что в основе всех указанных облегчений лежит какая-то однотипная мотивация, только очень трудно уловить, какая именно.

Возможно, тогдашнюю правовую логику поможет понять хорошо известная и часто упоминаемая в литературе статья о ситуации ночного вторжения в чужой дом.

Всякий, кто ночью беспричинно вошел к человеку в дом, наказывается 40 ударами легкими палками. Если хозяин тут же убил [вошедшего], наказание ему не определяется. Если он знал, что [это не с целью] нанести материальный или физический ущерб и тем не менее убил [вошедшего] или нанес [ему] телесное повреждение, он наказывается как за убийство или нанесение [данного] телесного повреждения в драке с уменьшением на 2 степени. ...Имеется в виду, знал, что [вошедший] заблудился, ошибся или [вошел] из-за того, что пьян до потери разумения, или же является старым, малым, больным и испытывающим стра-

¹³ Тан луй, ст. 53; Уголовные установления Тан, 1999. С. 275—276.

дания, или же женщиной, то есть не способен нанести материальный или физический ущерб, — и тем не менее убил [вошедшего] или нанес [ему] телесное повреждение¹⁴.

Другими словами, если кто-то до того, как успел сообразить, что вообще происходит, с перепугу или от неожиданности прибил на месте того, кто забрел в его двор или в какую-то из его жилых либо хозяйственных построек, он вообще не подлежал ответственности. Это более или менее понятно: мой дом — моя крепость. Но и в случае, если жилец успел оценить ситуацию и заметить, что забредший ночью в его дом человек вовсе не представляет опасности, но тем не менее по какой-то причине взял да и убил либо искалечил пришельца, он не нес ответственности даже как за нанесение телесных повреждений в обычной драке, то есть когда двое схватились сознательно, в обоюдном запале и более или менее на равных. Нет. Даже по сравнению с наказаниями за нанесение в драке телесных повреждений или травм, несовместимых с жизнью, наказание уменьшалось еще на 2 степени. То есть о полной невинности убийцы речь, конечно, не шла. Но облегчение наказания было весьма значительным. Перекладывая описанную в Кодексе ситуацию на язык более нам понятной конкретики, можно представить себе в качестве примера такую ситуацию: некто, услышав шум у себя во внутреннем дворе, вышел, увидел постороннего, убедился, что это дряхлый старик, случайно сюда попавший и не представляющий никакой опасности, и хладнокровно сломал беспомощному обалдую руку. За это он должен был по суду получить наказание, на 2 степени более легкое, чем если бы точно так же сломал руку равному противнику в честной, обоюдоопасной драке на нейтральной территории.

Почему?

Все словно бы перевернуто с ног на голову. Казалось бы, нанести телесное повреждение человеку, который беспомощен и не сопротивляется, куда более бесчеловечно, чем нанести то же самое повреждение в стычке, получая удары самому. И заслуживает такая жестокость более сурового наказания. А вот наоборот.

Нет иного объяснения, кроме как то, что учитывается неадекватность поступка самого пришельца. Да, его занесло в чужой дом без всякого злого умысла. Да, возможно даже, что он сам искал помощи. Но вообще-то приличные люди по ночам в чужие дома не шляются. Вести себя так не надлежит.

Ненадлежащее, несистемное поведение жертвы является очевидным смягчающим обстоятельством для преступника.

Попробуем под этим углом зрения проанализировать облегчения наказаний за имущественные преступления, приведенные в качестве примеров выше.

¹⁴ Тан люй, ст. 269; Уголовные установления Тан, 2005. С. 66—67.

Итак, случай первый: когда были совершены многократные хищения из одной семьи или же одновременное хищение из многих семей, стоимости всегда суммируются и наказание определяется, исходя из половины суммарной стоимости присвоения.

То есть если кто-то повадился в один и тот же дом и неоднократно там поживился или, наоборот, в течение некоего неразрывного срока, практически одномоментно (например за одну ночь), обошел несколько соседних домов и из каждого из них что-то унес, то для определения наказания надлежало прежде всего суммировать стоимость всех похищенных вещей. Получиться могла вполне кругленькая сумма, например 30 *пи*.

Однако наказание затем следовало определить в соответствии не с этой суммой, а лишь с ее половиной, то есть не с 30, а лишь с 15 *пи*. Получается, что вор, укравший за один раз имущество на 30 *пи*, должен был быть наказан ссылкой на 2000 *ли*, а вот вор, укравший в одной семье имущества на 30 *пи* за несколько раз или укравший на те же 30 *пи* имущество из нескольких семей, с каждой из них взяв, так сказать, по мелочи, за эти самые 30 *пи* получал всего лишь 2 года каторги.

Несколько легче объяснить облегчение наказания во втором случае, то есть когда хищение более или менее одномоментно осуществлено было из нескольких семей. Тяжесть нанесенного ущерба здесь раскладывалась на несколько хозяйств, и получалось, что каждое из них понесло не такой уж существенный убыток. Получалось, что, хотя хищение могло быть относительно крупным, материальный ущерб каждой отдельной обворованной семьи был относительно невелик и не мог существенным образом грозить ее благосостоянию; во всяком случае, грозил ему куда в меньшей степени, чем если бы хищение того же размера было осуществлено из хозяйства одной семьи. Право, видимо, косвенным образом учитывало это, и получается, что даже при незаметной, тайной, безопасной для жизни и здоровья потерпевших краже величина украденного сама по себе оказывалась все же не единственным фактором, с которым должно было быть соотнесено наказание вора. Принималось в расчет и то, насколько легко кража могла быть пережита хозяйством обворованных.

Ситуация же уменьшения наказания (ни много ни мало — вдвое) в ситуации, когда хищение было совершено из одного и того же хозяйства не единовременно, а в результате серии монотонно повторяющихся мелких хищений, похоже, не может быть объяснена ничем иным, кроме как тем, что право косвенным образом возлагало определенную часть вины за понесенный материальный ущерб на самих потерпевших. В самом деле — если к тебе в дом повадился вор, который раз за разом с успехом уносит твое добро, а ты не замечаешь этого и не можешь толком обеспечить безопасность своей семьи и неприкосновенность своего имущества — тебе остается лишь пенять на себя.

Если ты такой олух — вор не так уж и виноват, пусть даже он поживился изрядно. В тогдашних танских понятиях твое поведение прямо можно было бы определить как «неправильное», «не соответствующее» тому, как должны бы вести себя рачительные, бдительные, умело хозяйствующие подданные. Говоря же современным языком, оно может быть названо «виктимным».

Это далеко не единственный в танских законах случай, когда объект того или иного преступного деяния, если его предшествующее этому деянию поведение (или поведение, сопровождавшее преступное деяние или вообще так или иначе с ним связанное) могло быть сочтено не вполне надлежащим, сам получал в скрытой форме воздаяние за свою неумелость, нерадивость, неспособность постоять за себя в той степени, какая была ему позволена законом и нормами поведения. Конечно, впрямую он не подлежал наказанию — ведь никаким криминальным деянием он себя не запятнал; однако его неадекватность (выражившаяся, например, в том, что какой-то воришка повадился к нему, как на свой склад) влекла за собою так или иначе вводившуюся в право снисходительность к преступнику.

Или второй пример: при совместной краже имущества из семьи младшим ее родственником и посторонним человеком наказание этому постороннему уменьшалось на 1 степень относительно полагающегося за обычное хищение.

Казалось бы, кража и кража, а посторонний и есть посторонний. Какая разница, что он совершил эту кражу совместно с младшим родственником той семьи, имущество которой в итоге пострадало? И снова, как в случае со столь же необъяснимыми ситуационными послаблениями, напрашивается мысль, что смягчающее обстоятельство тут можно найти лишь одно: в абсолютно правильную, добропорядочную семью младший родственник чужака для совместной кражи не приведет. Совершение подобного преступления бросало тень подозрения на старших, которые так дурно воспитали своих младших. Формально наказывать, скажем, главу семьи было, разумеется, не за что. Он не совершил никаких конкретных противоправных или хотя бы аморальных поступков. Но что-то в семье этой было не то. И потому посторонний вор оказывался не столь уж и виноват — во всяком случае, на 1 степень менее виноват, чем если бы пришел и украл сам.

Третий пример: тому, кто обманом или плутовством вытянул у кого-то имущество, наказание определялось лишь сообразно хищению, то есть не тяжелее ссылки на 3000 *ли*, без применения должностных наказаний и с некоторыми иными послаблениями.

Танское право, крайне озабоченное идеей справедливости, то есть соразмерности возмездия проступку, старалось всемерно учитывать равенство возможностей субъекта и объекта преступления, точнее — равенство способности жертвы противостоять преступлению и спо-

способности преступника совершить это преступление. Нагляднее всего это видно при назначении наказания, например, за нанесение телесных повреждений в обоюдных драках: если оба дрались на равных, просто руками и ногами, вариации наказания того, кто в итоге избил противника, были весьма легки. Но стоило одному взять в руки хотя бы палку, равенство возможностей нарушалось, и вооружившийся драчун нес уже гораздо большую ответственность. Нанесение одной и той же травмы просто руками и ногами (принципиально как бы одинаковыми у всех мужчин) либо с применением постороннего предмета (явившегося фактором нарушения справедливости при драке) наказывалось в первом и втором случаях весьма различно.

Нечто подобное, видимо, учитывалось и при совершении имущественных преступлений.

Неспособность воспрепятствовать грабежу, то есть отъему имущества, осуществляемому посредством непреодолимой силы, или неспособность воспрепятствовать однократной краже, заметить которую порой невозможно и самому бдительному человеку, считалась, очевидно, нормальной и не могла быть поставлена в укор ограбленному или обворованному.

Но то, что кто-то поддался на обман, не раскусил мошенника, не заметил фальшивки, похоже, свидетельствовало о проявлении им некоей халатности, пусть еще не преступной, но тем не менее предсудительной. Жулик и объект жульничества были на равных, оба дееспособны, оба зрячи — но тем не менее объект позволил себя обжудить. И то, что он оказался настолько доверчив и наивен, что не распознал хитрости или подлога и позволил себя обворовать, не красило его в глазах танского права. Сама по себе эта халатность не делала жертву преступления виновной. Но тем не менее она делала менее виновным преступника.

Осознавали танские законодатели это в категоричных формулировках типа «на хорошего человека кирпич не упадет» или «того, кто бдит, обмануть невозможно» или нет — трудно сказать; думается, что, скорее всего, не осознавали. Но ощущение такого рода они, похоже, испытывали, и оно не раз и не два проникало в конструируемые ими законы, раз от раза трансформируясь и видоизменяясь, но оставаясь в сущности своей неизменным: «виктимность» объекта преступления снимала с субъекта этого преступления толику вины.

Понятие виктимности относительно ново для современной правовой мысли. Но в общем в последние годы виктимность понимается как склонность субъекта к поведению, повышающему шансы на совершение преступления именно в отношении него, как свойство личности, которое заключается в предрасположенности быть жертвой обстоятельств или воздействия других людей.

Китайская мысль, в частности — правовая, по-видимому, внутренне никак не могла воспринимать отдельное человеческое существо как изолированный от окружающего социума объект. Не было и не могло быть отдельных человеческих существ. Человек всегда включен в какие-то единства, функционирует как часть в каких-то целостных функциональных общностях. Старший—младший, начальник—подчиненный, мужчина—женщина, учитель—ученик... В каждой из этих пар у каждого из их элементов были свои специфические обязанности и специфические возможности. Это были динамические единства, исполненные взаимозависимости, и каждому поступку одного из членов пары соответствовали определенные надлежащие (и не соответствовали столь же определенные ненадлежащие) реакции, отклики. Поведение одного обуславливалось поведением другого, затем — обратно, и такой пинг-понг способен был длиться достаточно долго, практически — пока длился контакт вообще. Не могло быть поступка одного из членов единства, который рассматривался бы и оценивался сам по себе, изолированно от того, чем он был вызван и что, в свою очередь, вызвал он. Ощущать единство взаимосвязанных индивидуумов как процесс взаимодействия стало совершенно естественным. Ощущать членов пары иначе, по отдельности, стало просто невозможно.

Получается, что акт совершения преступления на какой-то момент создавал единство «преступник—жертва», и ни один из членов этой пары не мог рассматриваться и оцениваться отдельно от другого. Танское право стремилось к филигранно отградуированной справедливости и поэтому в принципе не могло рассматривать преступника в отрыве от жертвы.

Приходится признать, что архаичная (и с точки зрения демократических ценностей — бесчеловечная) идея, в основе которой лежит отрицание индивидуальной самодостаточности, гуманистического самостояния отдельного человека, еще много веков назад вывела китайских правоведов и законодателей на более чем современные идеи, сходные с нынешней идеей виктимности. Более того — слово у них не расходилось с делом, и они учли эту идею в конкретных уголовных законах с целью облегчить участь преступника, сделать уголовные законы по возможности более милосердными — чего, насколько мне известно, не произошло еще и в нынешних процветающих демократиях.

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ РЫБАКОВ

ТАНСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Часть 2. Правовое саморегулирование

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*
Отв. редактор — *О. И. Трофимова*

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 01.09.2013. Формат 60 × 90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 30, 4. Усл.-печ. л. 31

Тираж 500 экз.

Заказ № 3780

PRINTED IN RUSSIA

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28